

Протоиерей Георгий Митрофанов

МЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОГО НАРОДА В КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ XX ВЕКА: ОТ ОЦЕРКОВЛЕННОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА К КВАЗИРЕЛИГИОЗНОМУ МОДЕРНИЗМУ

В статье представлены некоторые религиозно-культурные черты, определившие ментальность русского народа и российского общества на рубеже XIX–XX вв. и во многом способствовавшие развитию Русской революции. Со ссылками на мнения ведущих и подчас весьма различавшихся по своим политическим взглядам русских религиозных философов ставится вопрос об определенной связи православно-русской религиозности с духовно-историческими особенностями Русской революции. В статье обозначена актуальная и для нашего времени проблема взаимосвязи ритуально-атрибутивно оцерковленного, но по существу остающегося языческим традиционализма с квазирелигиозным хилиастическим модернизмом, обусловившим в России перерождение марксистской социал-демократии в коммунистический тоталитаризм. Выявляется роль русской интеллигенции в этом процессе. В статье отмечено, что в сознании русской радикальной интеллигенции, прошедшей к началу XX в. путь глубокой мировоззренческой секуляризации, в качестве основополагающей и притом во многом религиозно исповедуемой духовно-мировоззренческой парадигмы уже давно утвердился социализм как «облегченная» версия коммунистической квазирелигии.

Ключевые слова: духовно-религиозная ментальность, культурно-цивилизационное пространство, хилиастический утопизм, квазирелигиозность, традиционализм, модернизм, мироборческий атеизм, народопоклонничество.

Выработав в ходе своего почти девятисотлетнего развития своеобразный вариант христианской цивилизации, Россия в начале XX в. вступила в объективно сложный для любой страны период своего исторического развития. Дальнейшее стабильное развитие страны предполагало в этот период наличие в сознании общества и прежде всего в сознании народных масс мировоззрения, которое было бы способно давать христиански мотивированные ответы на многочисленные и разнообразные вызовы

Протоиерей Георгий Николаевич Митрофанов — доктор богословия, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии (mitrophanov@yandex.ru).

быстро меняющейся культурно-исторической жизни. Однако в России веками практически параллельно сосуществовали вдохновлявшаяся аскетическими идеалами монашеской святости православная духовно-культурная традиция и ориентированная на политическую целесообразность православно-атрибутивная монархическая государственность, которые не смогли даже к XX в. выработать подлинно воцерковленную, способную отзываться на запросы современной общественной жизни государственно-политическую идеологию. В то же время православное бытовое благочестие, являвшееся на протяжении всей русской истории основным оплотом христианской религиозности в народе, стремительно разрушалось под влиянием столь же стремительно происходившей с конца XIX в. модернизации культурно-хозяйственного уклада народной жизни. В этих условиях исторически привыкшая сторониться профанной общественно-политической жизни православная иерархия, к тому же связанная административными путями синодальной бюрократии, не могла действительно противостоять происходившей в это время в сознании народных масс духовно-мировоззренческой секуляризации, которая обнажила во многом еще не преображенные христианством рудиментарно-языческие пласты народной религиозности.

«В России не было реформации, и не произошло поэтому... того превращения христианской морали в методичку и дисциплину ежедневной жизни, которое совершилось на Западе, — писал П. Б. Струве. — В России была религия и религиозность, но в ежедневную жизнь как дисциплинирующее начало религия не проникла. Это очевидный и едва ли не самый многозначительный факт русской истории»¹. Отмеченный П. Б. Струве недостаток в русской религиозно-общественной жизни религиозно-дисциплинирующих, религиозно-формирующих эту жизнь начал обусловил наличие в ней особого, идущего из глубины народного мирочувствия критического отношения к прикладному применению церковной культуры, а порой и культуры вообще, к нуждам повседневной жизни общества. Именно это отношение во многом определяло не только бытовой уклад русской жизни, но и глубинные духовно-религиозные тенденции русской цивилизации. При этом в духовно-нравственном сознании русского народа выработалось представление о параллельном существовании связанной с Церковью духовно-религиозной жизни и повседневной общественно-политической и хозяйственно-бытовой жизни, которое

---

¹ Струве П. Б. Россия // Избр. соч. М., 1999. С. 344–345.

неизбежно должно было обусловить серьезные негативные процессы как в каждой из перечисленных сфер культурно-исторического бытия России, так и в русском национальном характере, как таковом.

«Русское религиозное сознание постепенно уходило от жизни и из жизни, училось и учило терпеть и страдать, а не бороться и творить жизнь; все лучшие силы русского духа стали уходить на страдание и страдательность, на пассивность и бездейственную мечтательность, — отмечал С. Л. Франк. — И параллельно этому вся действенная, жизненно-творческая энергия национальной воли становилась духовно непросветленной, нравственно необузданной, превращалась в темное буйство злых страстей и бесплодно-отрицательного рассудочного умствования. Русский религиозный дух уже давно перестал нравственно укреплять народ в его будничной трудовой жизни, пропитывать нравственными силами земные экономические и правовые его отношения. И потому здоровый в основе реалистический инстинкт народа оторвался от духовного корня жизни и стал находить удовлетворение в неверии, в чисто отрицательной освобожденности, т. е. в разнузданности мысли и чувства. Все лучшее, благородное и духовно-глубокое становилось мечтательно-бессильным, а все сильное и практически-действенное — темным и злым»².

Причины отчужденности общественно-политической жизни в России от жизни духовно-религиозной объяснялись не только особенностями русского национального менталитета и своеобразием исторического пути России, но и характерными чертами восприятия государства, общества и личности, сложившимися в православной церковной традиции в течение всей ее многовековой истории. «Православное религиозное воспитание неблагоприятно для исторической жизни народов; оно мало научает общественному и культурному строительству, мало дисциплинирует личность, — отмечал Н. А. Бердяев. — Православие вечно колеблется между максимализмом святости и минимализмом довольно низменной бытовой жизни. Русское православие создало ослепительные образы святости и воспитало в народе культ святости и святых. Но очень мало сделало для развития в русском человеке честности и ответственности, для религиозного укрепления в нем энергии, необходимой для творчества истории и культуры. В русской религиозности всегда преобладали черты восточной пассивности. В этом типе религиозности

² Франк С. Л. De profundis // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 496—497.

всегда было слабо выражено начало личности. Личность расплывалась и тонула в природном коллективизме, который принимали за духовную соборность»³.

Оборотной стороной столь своеобразного духовно-религиозного развития русского народа, основанного на роковом соединении «азиатски женственной» национальной ментальности и характерных для исторического православия теоретического общественного «докетизма» и практического политического сервиллизма, являлись распространенные в русском народе двоеверие в религиозной мысли и двоедушие в исторической жизни. Многократно отмечавшееся как русским православным духовенством, так и русскими учеными исследователями религиозное двоеверие представляло собой причудливо сложившееся в народной душе сочетание смутно понимаемых вероучительных истин православного катехизиса с яркими языческими рудиментами народного быта и будоражащими мистическими псевдооткровениями народного сектантства. Не раз катастрофически заявлявшее о себе в русском прошлом историческое двоедушие заключалось в многолетнем сосуществовании горних идеалов церковной святости, вычитанных из житий святых и услышанных в церковных проповедях, и дольных верований стадно-коллективистских обычаев, непросветленно языческих в своем утилитарном содержании. Непросветленное подлинной православной культурой и усугублявшееся мировоззренческой секуляризацией религиозное двоеверие народных масс все же оставалось духовной доминантой народного сознания, отчасти сдерживавшей разрушительные стихии в душе русского народа. Однако именно на рубеже XIX–XX вв. эти разрушительные стихии особенно деструктивно могли проявиться в жизни страны, переживавшей глубокие общественно-культурные метаморфозы в связи с активным выходом на арену российской истории представителей радикальной интеллигенции.

В сознании русской радикальной интеллигенции, прошедшей к этому времени путь глубокой мировоззренческой секуляризации, в качестве основополагающей и притом во многом религиозно исповедуемой духовно-мировоззренческой парадигмы уже давно утвердился социализм как «облегченная» версия коммунистической квазирелигии. Привнесение в народные массы вульгаризованных в процессе революционной пропаганды догматов именно этой по существу неязыческой

---

³ Бердяев Н. А. Оздоровление России // Бердяев Н. А. Собр. соч. Париж, 1990. Т. 4. С. 243.

квазирелигии стало смыслом общественного миссионерства революционной интеллигенции.

Умозрительно-утопическая идейность и культурно-историческая беспочвенность русской радикальной интеллигенции в течение многих десятилетий создавали в среде интеллигенции такую духовную атмосферу, которая сделала возможным распространение в ней весьма своеобразной секуляризованной религиозности. «Говоря простым языком, русская интеллигенция „идейна“ и „беспочвенна“, — писал Г. П. Федотов. — ...Идейность есть особый вид рационализма, этически окрашенный... Чаще всего он берет готовую систему „истин“ и на ней строит идеал личного и общественного (политического) поведения. Если идейность замещает религию, то она берет от нее лишь догмат и святость: догмат, понимаемый рационалистически, святость — этически, с изгнанием всех иррациональных, мистических или жизненных основ религии. Догмат определяет характер поведения (святости), но сама святость сообщает системе „истин“ характер догмата, освящая ее, придавая ей неприкосновенность и неподвижность. Такая система обыкновенно не способна развиваться. Она гибнет насильственно, вытесняемая новой системой догм, и этой гибели идей обыкновенно соответствует не метафорическая, а буквальная гибель целого поколения... Беспочвенность есть отрыв: от быта, от национальной культуры, от национальной религии, от государства, от класса, от всех органически выросших социальных и духовных образований. Конечно, отрыв этот может быть лишь более или менее полным. В пределе отрыв приводит к нигилизму, уже не совместимому ни с какой идейностью»⁴.

Русская радикальная интеллигенция была обречена пережить духовную эволюцию, в процессе которой ее умозрительно-утопическая идейность превратилась в абстрактный и бесчувственный к реальному человеку морализм, а ее культурно-историческая беспочвенность выродилась в религиозно-мировоззренческий нигилизм. Закономерным результатом этой эволюции явилось обращение радикальной интеллигенции к разрушавшему ее душу, но порой способному обеспечить ей политический успех имморализму, который обрекал русскую интеллигенцию на неистовое бого- и мироборчество атеизма.

Доминировавший в западноевропейском атеизме рационалистический скептицизм, который делал последовательный атеизм на Западе

⁴ Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории культуры. СПб., 1991. Т. 1. С. 70-71.

достоянием узкого круга интеллектуальной элиты, оказался вытесненным в атеизме русской интеллигенции окрашенной в моралистические тона богоборческой религиозностью. Именно эта идеологизированная религиозность придала русскому атеизму характер своеобразного антитеизма и предопределила тем самым перспективу его широкого распространения во всегда стихийно религиозном массовом народном сознании. Религиозная масштабность теоретических претензий и религиозная неистовость практических устремлений социального утопизма русской революционной интеллигенции неизбежно должны были повлиять на складывавшийся в ее среде духовно-мировоззренческий и социально-психологический тип личности революционного интеллигента, придав ему характерные черты уже упоминавшейся выше секуляризованной религиозности и богоборческого исповедничества. «Многократно указывалось (вслед за Достоевским), что в духовном облике русской интеллигенции имеются черты религиозности, иногда приближающиеся даже к христианской, — писал протоиерей Сергей Булгаков. — Свойства эти воспитывались, прежде всего, ее внешними историческими судьбами: с одной стороны, правительственными преследованиями, создававшими в ней самочувствие мученичества и исповедничества, с другой — насильственной оторванностью от жизни, развившей мечтательность, иногда прекраснотушние, утопизм, вообще недостаточное чувство действительности... Атеизм есть вообще вера, в которую крещаются вступившие в лоно церкви интеллигентски-гуманистической, и не только из образованного класса, но и из народа... И вместе с тем приходится признать, что русский атеизм отнюдь не является сознательным отрицанием, плодом сложной, мучительной и продолжительной работы ума, сердца и воли, итогом личной жизни. Нет, он берется чаще всего на веру и сохраняет эти черты наивной религиозной веры, только наизнанку, и это не изменяется вследствие того, что он принимает воинствующие, догматические, наукообразные формы»⁵.

Однако по своему реальному содержанию секуляризованная интеллигентская религиозность и сформировавшийся в контексте этой религиозности тип псевдоподвижника революционного благочестия, вдохновлявшиеся мифологемой бого- и мироборческого утопизма, должны были представлять собой диаметрально противоположность подлинной христианской религиозности и истинному церковному благочестию.

---

⁵ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 35, 37–38.

«Все, что касается религиозной культуры личности, ее выработки, дисциплины, неизбежно остается у интеллигенции в полной запущенности, — отмечал протоиерей Сергей Булгаков. — У нее отсутствуют те абсолютные нормы и ценности, которые для этой культуры необходимы и даются только в религии. И, прежде всего, отсутствуют понятие греха и чувство греха, настолько, что слово „грех“ звучит для интеллигентского уха так же почти дико и чуждо, как „смирение“»⁶.

Одним из наиболее значительных стимулов для развития секуляризованной социально-утопической религиозности русской революционной интеллигенции оказывалось характерное для многих ее представителей народопоклонничество, отождествлявшее идеал социального, а значит, и духовного устройства общества с идеалом примитивно-архаичного мужицкого царства. Эта опрощенческая социально-утопическая химера не только лишала русскую интеллигенцию понимания реальных нужд русского народа, но и создавала у нее опасную иллюзию «предуготованности» путей осуществления коммунистической утопии в народной душе, которая веками чаяла воплотить эту утопию, хотя и связывала ее ошибочно с идеей «царства небесного».

Религиозно окрашенное народопоклонничество было во многом заимствовано русской революционной интеллигенцией из предшествовавшей, присущей как славянофилам, так и сторонникам официальной идеологии «самодержавия, православия и народности» традиции осмысления духовно-исторического бытия русского народа. Причем изначально на эту традицию безусловно наложила свой опосредованный отпечаток «московско-третьи-римская» мифологема исторического русского православия, в которой национально-языческий элемент незаметно подменял собой элемент вселенско-православный. Впрочем, подобного рода подмена лишь способствовала утверждению в сознании всегда отчужденной от подлинно православного мировоззрения русской революционной интеллигенции народопоклоннического культа, утверждавшего веру в имманентно присущее народному коллективу обладание истиной в последней инстанции. «Народничество всегда было в России какой-то лжесоборностью, лжецерковностью, — подчеркивал Н. А. Бердяев. — Сама христианская церковь, по природе своей вселенская, получила в России резко народнический отпечаток. Церковь определилась как русская мужицкая церковь по преимуществу... В этом опасность крайней

⁶ Там же. С. 56.

национализации церкви, переходящей в отождествление ее с народом. Но необходимо окончательно и бесповоротно установить, что народный коллективизм не есть церковная соборность и отличается от нее, как земля от неба. Религиозное народничество возвращает нас от христианства к язычеству, к языческой стихийности и языческому натурализму»⁷.

Осуществив в рамках своей идеологии развитие губительного для России симбиоза стихийного духовно-мировоззренческого нигилизма народных масс и рационалистически обосновываемого социально-политического утопизма революционной интеллигенции, коммунизм в еще большей степени способствовал взаимовосполнению все более распространявшегося в XX в. народного безбожия и упрощенно-пропагандистского богоборчества интеллигентского марксизма. «В массе народной... религиозность всегда была полухристианской-полуязыческой. Но и это исконное полуязычество русского народа все-таки религиозно бесконечно выше и благороднее того неверия и нигилизма, которые все более и более охватывают народ, — писал Н. А. Бердяев. — ...Интеллигентское полупросвещение быстро убило остатки веры в массе русского народа. И как это ни горько, но нужно признать, что ныне русский народ менее религиозен, чем многие народы Запада, что религиозная культура души в нем слабее. Полный нигилизм легче всего овладевает русским человеком»⁸.

Быстрое и широкое распространение духовно-нравственного нигилизма в России оказалось возможным не столько из-за общей экономической и политической отсталости страны от ведущих государств Западной Европы. В значительно большей степени это было связано с тем, что на протяжении многих веков, в особенности в допетровский период российской истории, традиции христианской духовной культуры лишь атрибутивно-символически проявляли себя в институционально зафиксированных формах российской государственности. При этом развитие гражданского общества в России, хронологически совпавшее с разрушавшей традиционный архаично-православный бытовой уклад русского крестьянства «виттевской» индустриализацией, неизбежно должно было осуществляться под преобладающим влиянием мировоззренческих идеалов секуляризованного европейского гуманизма. Однако и этим идеалам не суждено было заполнить «ценностный» вакуум, образовавшийся

---

⁷ Бердяев Н. А. Народническое и национальное сознание // Собр. соч.: в 4 т. Париж, 1990. Т. 4. С. 136-137.

⁸ Бердяев Н. А. Духовные основы русского народа // Собр. соч.: в 4 т. Париж, 1990. Т. 4. С. 236.

в народном сознании после крушения исторически исчерпавшего себя идеала «православного мужицкого царя».

Сформировавшаяся еще под влиянием государственно-цивилизационных стереотипов Византийской империи православная традиция благочестия пессимистически оценивала возможность проявления святости где-либо, кроме архиерейских и княжеских покоев и монашеских келий. Именно эта традиция во многих поколениях приучала русский народ к восприятию государственной и общественной жизни как наиболее искусительной в своей профанной обыденности и отданной на произвол низменных человеческих страстей. Поэтому распространение общественно-политической, заключенной в квазирелигиозные формы идеологии, морально санкционировавшей разнуздание этих страстей в процессе коммунистической революции, вполне могло найти отзвук в народных массах, мировоззренчески не подготовленных православным духовенством к преодолению подобного духовно-нравственного искушения.

Разрушение православного бытового благочестия, являвшегося многие века единственной формой сохранения в народных массах элементов церковного предания, обнаружило не только отсутствие в русском народе подлинной вероучительной просвещенности. Прежде всего, оно выявило в нем наличие во многом не преодоленной стихии языческой религиозности, которая оказывалась весьма созвучной ориентированному на разрушение основ христианской цивилизации, хотя и закамуфлированному в форму интеллектуальной марксистской утопии духовно-нравственному нигилизму русской революционной интеллигенции. Основанная на опрошенческом примитивизме, предлагавшем идею «экспроприации экспроприаторов» в лозунг «грабь награбленное», и лжерелигиозном утопизме, подменявшем церковное учение о «Царстве Божьем внутри вас» народной мечтой о «царстве мужицком среди нас», коммунистическая идеология в устах своих большевистских «благовестников» превращалась в квазирелигиозную пропагандистско-хилиастическую проповедь. Во главу угла этой проповеди полагалась неведомая ранее русскому народу классовая мораль, которая давала всегда отвергавшееся сонмом народных праведников и постоянно вожделевшееся поколениями народных грешников «право на бесчестье». Именно этой квазирелигиозной, утопической морали суждено было разнуздать веками, хотя и с переменным успехом сдерживавшиеся в народной душе моралью церковной низменные духовно-исторические страсти, оказавшиеся разрушительными как для самого русского народа, так и для веками созидавшейся этим народом страны.

Источники и литература

1. Бердяев Н. А. Духовные основы русского народа // Бердяев Н. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990.
2. Бердяев Н. А. Народническое и национальное сознание // Бердяев Н. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990.
3. Бердяев Н. А. Оздоровление России // Бердяев Н. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990.
4. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М.: Молодая гвардия, 1991.
5. Струве П. Б. Россия // Струве П. Б. Избр. соч. М.: РОССПЭН, 1999.
6. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории культуры. Т. 1. СПб.: София, 1991.
7. Франк С. Л. De profundis // Вехи. Из глубины. М.: Молодая гвардия, 1991.

Archpriest Georgy Mitrofanov. The Mentality of the Russians in the Cultural and Civilizational Space of 20th Century Russia: from a Churched Traditionalism to a Quasi-Religious Modernism.

In this article, the author presents various religious and cultural traits that have determined the mentality of the Russian nation and Russian society at the turn of the 20th century and led to the development of the Russian Revolution. With references to the views of leading Russian religious philosophers (whose political views were often quite varied), a connection is made between Russian Orthodox religiosity and the spiritual and historical specifics of the Russian Revolution. The author also raises the question of the connection between a traditionalism that is churched in its ritual attributes but remains largely pagan in essence, and a quasi-religious chiliast modernism, which determined the transformation of Marxist social democracy in Russia into Communist totalitarianism. The role of the Russian intelligentsia in this process is identified. The author notes that by the beginning of the 20th century, the views of the Russian radical intelligentsia had moved through a process of intense secularisation and had assumed, as a fundamental and religiously held cultural and worldview paradigm, a form of socialism viewed as a “light” version of Communist quasi-religion.

Keywords: religious mentality, cultural and civilizational space, chiliast utopia, quasi-religiosity, traditionalism, modernism, militant atheism, people-worship.

Archpriest Georgy Nikolayevich Mitrofanov — Doctor of Theology, Candidate of Historical Sciences, Professor at St. Petersburg Theological Academy (mitrophanov@yandex.ru).